

Бахтиёр Ирмухамедов

НЕТЛЕНКИ

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Бахтиёр Ирмухамедов
Нетленки. Книга четвёртая

«Издательские решения»

Ирмухамедов Б.

Нетленки. Книга четвёртая / Б. Ирмухамедов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968202-4

В этот сборник вошли четвертые 100 моих стихотворений разных лет, среди которых и недавно написанные. Среди представленных произведений есть немало стихотворений пристойно-эротического содержания, в том числе веселые одностишия. Многие тексты этой книги рекомендуется читать с включенным чувством юмора.

ISBN 978-5-44-968202-4

© Ирмухамедов Б.
© Издательские решения

Содержание

Поиск спасения	6
Страх	7
Проповедь	8
О роли женщины в судьбе мужчины	9
ПОХОРОНИ МЕНЯ В ОГНЕ	10
НРАВОУЧЕНИЕ	12
ПОСВЯЩЕНИЕ ТЕБЕ	13
ПОСЛАНИЕ СИНЬОРЕ	15
ПОЛУШУТОЧНЫЕ СТИХИ ЮЛЕ	17
ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ДЛЯ СИНЬОРЫ	18
ДЕКАДАНС	19
ТВОРЦАМ	20
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛЮБИМОЙ	21
К ЛЕЙЛИ	22
ПОДРАЖАНИЕ РУССКОМУ БРАТУ	23
«Сегодня я видел...»	24
НАСТЯ, РОЩА, БИГУДИ, ИЛИ МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО	26
НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЖЕЛАНИЕ	28
ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	29
ЛЕЙЛИ	30
ДУШЕИЗЛИЯНИЕ ГУЛЬСАРЕ	32
НЕМНОГО О СЕБЕ	33
ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ	35
СОНЕТ ДЛЯ ГУЛЬСАРЫ	36
ЕЩЕ ОДИН СОНЕТ ДЛЯ ГУЛЬСАРЫ	37
ОСТЕПЕНЕНИЕ	38
ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ	39
ПЕЧАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ	40
ТОСКА	41
ПРЕДСМЕРТНАЯ ЭЛЕГИЯ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нетленки Книга четвёртая

Бахтиёр Ирмухамедов

© Бахтиёр Ирмухамедов, 2019

ISBN 978-5-4496-8202-4 (т. 4)

ISBN 978-5-4496-7600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поиск спасения

Я уйду сегодня в монастырь;
Быть может, там покой я обнаружу:
Меня измучил человек-упырь,
Из зеркала мою сосущий душу.

Страх

Не выхожу из дома и тоскую,
Подспудным страхом дни полны и ночи:
Боюсь влюбиться в женщину чужую
И тем ее невольно опорочить.

Проповедь

Донжуанам проповедь кричу:
Чтоб постичь вам истину святую,
Не маните бабочку хмельную
На свою порочную свечу.

О роли женщины в судьбе мужчины

Я встретил женщину, когда мне было плохо,
И с ней расстался я, когда мне стало лучше.
Но те три дня любви я помню, как эпоху,
Где мне открылся путь, к бессмертию ведущий.

ПОХОРОНИ МЕНЯ В ОГНЕ

Камилле

Похорони меня в огне,
Когда тебя любить устану,
Когда любовь твою во сне
Подвергну жалкому обману.

Похорони меня в огне,
Когда мой город не поладит
С тем, кто его назло весне
Одними ёлками засадит.

Похорони меня в огне,
Коль не дождусь я смерти Бога
На нескончаемой войне,
Где все так дико и убого.

Похорони меня в огне,
Когда я заповедь нарушу,
Продав безвольно сатане
Свою израненную душу.

Похорони меня в огне,
Когда, непонятый и битый,
Отдамся будничной волне
Без парусов, но гладко бритый.

Похорони меня в огне
Твоих упреков справедливых,
Что гарцевал я на коне
На фоне слабых и трусливых.

Похорони меня в огне
Не прозвучавшей главной ноты,
Когда на лопнувшей струне
Я не сыграл ноктюрн полета.

Похорони меня в огне,
В огне торжественном и пышном
За то, что я в своей стране
Был чужаком и вечно лишним.

Похорони меня в огне
За то, что, лежа на диване,
Я оказался в стороне

От убиенных в Андижане.

За всё, что было не по мне,
За то, что был в миру не первым,
За то, что жизнь прошла вчерне,
Испепелив мои напевы,
Похорони меня в огне.

ПРАВОУЧЕНИЕ

О человек, судьба нема
Пред выбором Созвездия:
За каждый шаг свой без ума
Не избежишь возмездия!

ПОСВЯЩЕНИЕ ТЕБЕ

Забывается, все забывается,
И не помнится даже любовь.
Клетки нервов в мозгу разрываются
Из-за соударения лбов.
Перекатится поле пустынею,
И песками захватится голь,
Но останется дева святынею,
Порождающей радость и боль.
Ты, доступная и неприступная,
Прекратишь ли себя бичевать,
Будто грешницу, вечно преступную
В том, что жаждет святое продать?
Разве есть под луной сладострастие,
Если нет единения душ?
Назовутся навеки несчастными,
Кто не сможет согреться от стуж.
Но ошибки людей повторяются,
Заблуждаться привычней сердцам.
Забывается, все забывается,
Нет беспамятству в мире конца.
Ты – своих заблуждений поклонница:
Ведь в роскошных болотах дворцов
Пред тобой пролетает не конница,
А влачится пехота глупцов.
В дорогом, не узористом свитере
Ты сегодня опять принялась
Хаотично «насвистывать» в Твиттере,
Отмывая прилипшую грязь.
Там агрессия – словно прострация,
И улыбка – как будто плевков.
Глянца ищет в сети репутация —
Но от этого будет ли прок?
Только мнится, что важное сказано
В этой пагубной «свисто» -войне.
Ты пойми, ничего не доказано,
В том числе не доказано мне.
Не хочу превращаться я в клавиши,
По которым ты бьёшь невпопад.
Мне хотелось бы вкутьаться в ландыши,
Чей вдыхала бы ты аромат.
Да, забудутся имя и отчество,
И деяния канут во мгле,
Но твое без любви одиночество
Не истлеет забвеньем в земле,
Потому что ты – дева не худшая

И не лучшая в сонме веков,
Но ты как-то иначе заблудшая:
Ты сковала себя без оков.
Ты свободна, но все же ты пленница;
Ты богата, но все же бедна;
Ты верна, как святая изменница,
Не достигшая мыслями дна.
От судьбы – и пинки и затрешины,
От любви – наслажденья и смерть.
Но колено согнуть перед женщиной
Не посмеет никто не посметь.
Вот и я, весь обвешанный грузами
Биографии мутной и злой,
Подвергаемый критике музами,
Виртуально стою пред тобой.
На лице я не вижу волнения,
А в глазах – наркотический след
От возросшего вдруг самомнения,
Что тебе неподвластного нет.
Так и хочется в тон лицемерию
Распальцовку взметнуть в облака,
Раздувая эффектно феерию...
Но зачем мне валять дурака?!
Не за тем я, заплеванной бесами,
В будуар твой незримо проник,
Чтоб якшаться с твоими повесами,
Никогда не читавшими книг.
Мне достаточно слова приветного
И касания легкого уст...
Но, увы, ничего нет заветного
Для того, кто, как вакуум, пуст.
И наставник седой Аристотеля
Мне отныне уже не указ.
Кем напишется наша история?
Чем закрасят сияние глаз?
Все забудется, даже таинственность
Не имевших зарока ночей.
Не забудется только воинственность
Неприкаянной грусти твоей.

ПОСЛАНИЕ СИНЬОРЕ

«Мы живем, под собою не чуя страны...».

О. Мандельштам

Ты живешь, под собою не чуя страны,
Будто в космосе где-то паришь.
От объявленной кем-то народу войны
Ты сбегала в Мадрид и в Париж.
Ты построила замок из мифов и грез
И удобно устроилась в нем.
Ни страданий людских, как и льющихся слез,
Ты не видишь ни ночью, ни днем.
Из комфорта не слышен униженных стон,
А убитые вовсе молчат.
Ведь в грядущем маячит властительный трон,
Даже если он ложью зачат.
Осуждать или нет – это дело других.
Я иначе на женщин гляжу.
Если отзвук твоих походов затих —
Значит, ты проложила межу
Между прошлым и будущим, злом и добром
И решила по-новому жить.
Потому и подумать о крае родном
Я хотел бы тебе предложить.
Нас эпоха-гиена застала врасплох —
И питаемся падалью мы,
Будто каждый внезапно ослеп и оглох,
Воспевая всевластие тьмы.
В королевстве кривых и разбитых зеркал
Окосел обделенный народ;
И осел, что когда-то свободно кричал,
Сам заткнул свой испуганный рот.
В зарубежные банки плывет капитал,
И реке той не видно конца.
Всех, кто был не рабом, твой отец затоптал,
Не оставив им даже чепца.
Ведь твой пращур давно оторвался от масс
И мечтает он лишь об одном,
Чтобы вечно рулить, подбирая окрас
Под изменчивый мир за окном.
А сидящие там, на загривках людских,
Потеряли и веру и стыд.
Даже боги, узрев из чертогов своих
Наши горести, плачут навзрыд.
Я хочу, чтобы ты пронеслась над землей,
Оседлав амазонкой коня,

И явилась народу Авророй-зарей...
Но ты прежде послушай меня.
Поживи в кишлаке на зарплату врача,
Подыши безнадегой рабов —
Вот тогда-то поймешь без речей толмача,
Что такое Отчизны любовь.
И над грядкой согнись в три погибели ты,
Заработай заслуженный горб,
И в трущобу вернись, где не пахли цветы —
И познаешь прижизненный гроб.
Ты без денег отца и его кулаков
Попытайся взойти на Олимп.
От системы гнилой нахватав тумачков,
Ты сама уничтожишь свой нимб.
Искажается все на несчастной земле,
И становится нормой порок,
А тебе невдомек: ты в уютном тепле
Удлиняешь заманчивость ног.
Но ведь кто-то же должен и сердце зажечь,
И развеять сгустившийся мрак,
И народу помочь честь и совесть сберечь
И на солнечный выйти большак.
Вот задача твоя, а не «свисты» в сети
И не девичий вздох в тишину.
Откажись от судьбы прозябать взаперти —
И тогда ты почувешь страну.
А, почувяв ее, невозможно не стать
Гаутамой грядущего дня.
И когда для души обретешь благодать,
Ты захочешь почувать меня.

ПОЛУШУТОЧНЫЕ СТИХИ ЮЛЕ

*«Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?»
А. Блок*

В этот будничный вечер в Кибрае,
Как всегда, ты упрямо «свистишь»
О заведомо призрачном рае,
Повторяя избитый фетиш.
«Дорогая, любимая Юля,
И на кой тебе твито-возня?!».
А в ответ появляется дуля
И лукаво глядит на меня.
И уже я общаюсь не с Юлей,
Не с прекрасной синьорой своей,
А с ее маникюристой дулей,
Словно с музой капризной моей.
Ликовать или плакать – не знаю.
Но цветы погибают в пыли
И предсмертные вздохи Кибраю
Посвящают на плахе земли.
И, лицо отвернув от фигуры
Из трех пальцев, бреду я впотьмах
От исчезнувшей вдруг синекуры
В неизвестность и, может, во прах
И себя вопрошаю: смогу ли
На исходе кривого пути
«Насвистеть» для блондинистой Юли,
Что желанней она вне сети?
И я снова назад возвращаюсь
И пытаюсь почуять вдали
То, чего не имел, но лишаюсь —
Виртуальной любви от лейли.
Пусть по воле судьбы неудобной
Мы не будем с тобою вдвоем,
Но мы встретимся в жизни загробной
И в Чистилище вместе войдем;
И познаем идиллию рая;
И не будет нам плод запрещен;
И забудешь ты карму Кибрая,
Ибо плод будет мной подслащен.
Без ума от шального напора,
Эротично шепну я вопрос:
*«Что мне спеть в эту вечность, синьора,
Что мне спеть, чтобы вам не спалось?».*

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ДЛЯ СИНЬОРЫ

Не беда, что пасмурно сегодня.
Завтра будет солнечно, поверь,
И весна как опытная сводня
Нам с тобой в любовь откроет дверь.
Тучи уплывут в свои берлоги,
Синева расстелется вверху —
Перед нами явятся дороги,
Даже те, ведущие к греху.
Мы не будем ждать на перепутье
И гадать, куда же нам пойти:
Как ни тяжелы соблазна пути,
Не собьемся с верного пути.
Что для нас высокое свеченье —
Для других падение во тьму.
Нашим душам страстное влечение
Не мешает следовать уму.
Я обета вовсе не нарушу,
Но и ты ему не прекословь,
Чтобы все, имеющие душу,
Знали, что жива еще любовь.
Будет много в жизни снегопадов,
Будет много ливней и дождей,
Будет много холодов и градов,
Будет много пешек и вождей,
Будет много всякого такого,
От чего захочется завывать
И отречься резко от родного,
И навеки прошлое забыть.
Вот зачем нужна любовь на свете —
Чтоб душа спасла себя в душе,
Чтоб вопрос не путался в ответе,
Чтоб не тесно было в шалаше.
И пускай не все бывает годно
Для сердец, уставших от потерь, —
Не беда, что пасмурно сегодня,
Завтра будет солнечно, поверь.

ДЕКАДАНС

Ты никогда не бросишься под поезд —
Каренина не выйдет из тебя,
И для петли не приспособишь пояс,
Пусть и кого-то яростно любя.
Твоя стезя – гулять и веселиться —
И наплевать на мнение людей;
Ты можешь даже в храме оголиться
Во имя чуждых и пустых идей.
Таков твой путь, не стоящий вниманья
Ни моего, ни Господа, но есть
В твоей судьбе иное пониманье
Того, что в мире называют «честь».
Ты не одна ступаешь по дорожке,
Что славится в народе кривизной:
Теперь все то, что блещет на обложке,
Становится иконой подставной.
Не ты одна лишилась и морали,
И нравственных, и совестных начал:
У нас у всех священное украли
И навязали пошлый идеал.
И все печальней жизни нашей повесть,
И свет в тоннеле – все равно что мгла...
А может быть, нам броситься под поезд,
Очистив Землю от людского зла?

ТВОРЦАМ

Не заимствуйте рифмы у хлама,
Собирайте их лучше в лесах
И постройте подобие храма
В сладкозвучно поющих стихах.
Не ищите метафоры в ямах,
Но берите их с гордых вершин,
Чтобы в ваших поэмах и драмах
Не нашлось ненадежных пашин.
Отвергайте шаблоны и штампы
И старайтесь не думать о том,
Что огни соблазнительной рампы
Освещают бездарных гуртом.
Создавайте свое без оглядки,
Не ленитесь учиться у тех,
Кто был мастером песенной кладки
И творил не для барских утех.
Отпустите себя на просторы,
Дайте мыслям сомкнуться с душой —
И тогда обойдете заторы,
Совершая свой подвиг большой.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛЮБИМОЙ

А почему бы нам не согрешить,
Хотя бы в мыслях или виртуально?
Конечно, в этом кайф не идеальный,
Но есть резон: не хочется спешить.
Вот написал – и самому смешно.
Хотя смешного мало в том, что люди
Никак не могут из простых прелюдий
Извлечь все то, что мило и грешно.
И как прожить, не совершив греха,
Тем более в любви – основе страсти?
Да, общество разделено на касты,
Но пред любовью – это чепуха.
Мы созданы для горя и утех,
Но почему-то глупо множим беды
И губим радости, как самоеды,
Твердя, что райский плод – великий грех.
Твердим одно, но втихаря грешим,
Надев на лица праведников маски;
Грешим напропалую, без подсказки,
Богатство душ меняя на гроши,
И посвящаем ближнему ушат,
Наполненный упреками и грязью,
И, скованы своей порочной связью,
Все ждем, когда другие согрешат.
И вот когда такие лопухи
Себя невольно, вдруг разоблачают,
Они уже пощады не встречают —
Чужие обеляют нас грехи.
Но я хочу тебя растормошить
И предложить вполне сакраментально,
Пусть даже в мыслях или виртуально,
А почему бы нам не согрешить!

К ЛЕЙЛИ

Царица сердца моего,
Я петь не буду в эту ночь:
Я отказался от всего
И на уста наклеил скотч,
Не оттого, что ты глуха
К мольбе сердечных серенад
И что боишься ты греха,
Как много, много лет назад;
Не потому, что я устал,
Как вопиющий в пустоте,
Напрасно волновать уста
Во смерть гнетущей темноте;
И не за то, что где-то там,
В твоём далеком далеке
Какой-то Майк или Ван Дамм
Сейчас припал к твоей руке;
И не бокал вина «Шабли»,
Тобою выпитый в «Арго»
С тем, кто зовет тебя Лейли,
Предлог молчанья моего;
И не причина немоты
Моей, что ты который год,
Сбежав от праздной суеты,
Смакуешь боль былых невзгод;
А не пою я в эту ночь
И не тревожу отдых твой
Лишь потому, что мне невмочь
Принять ни сердцем, ни душой,
Как, удалив судьбы печать,
Не признавая никого,
Ты ни за что не хочешь стать
Рабыней сердца своего.

ПОДРАЖАНИЕ РУССКОМУ БРАТУ

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...».

С. Есенин

Гульсара – не моя Гульсара.
У судьбы не любимчик я, что ли, —
Не отвыкну от пасынка роли,
Повторяя с утра до утра:
Гульсара – не моя Гульсара.

У судьбы не любимчик я, что ли:
По-иному встречаю рассвет
И глотками смакую шербет
Одиночеством данной мне боли.
У судьбы не любимчик я, что ли?

Не отвыкну от пасынка роли,
Притворяюсь веселым в беде.
Во враждебной для духа среде
Я мечтаю о лучшей юдоли.
Не отвыкну от пасынка роли.

Повторяя с утра до утра,
Что любимая женщина где-то
Ублажает другого поэта,
Я у смертного маюсь одра,
Повторяя с утра до утра:

Гульсара – не моя Гульсара.
Утешаю себя саботажем:
Ведь на зов повелительный даже
Не пришла к Магомету гора!
Гульсара – не моя Гульсара.

НАСТЯ, РОЩА, БИГУДИ, ИЛИ МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Я не бью от безделья баклуши,
Сочиняя строку за строкой:
Я хотел бы любимой Настюши
Хоть разочек коснуться рукой.
Все равно, до чего мне коснуться —
До руки, до плеча, до волос.
Мне советовал мудрый Конфуций
Не откладывать важный вопрос.
Я хочу убедиться на ощупь,
Что Настюша вполне во плоти.
А затем в близлежащую рощу
Я увлек бы ее по пути.
И в безлюдной, таинственной чаще,
Где березы да сосны вокруг,
Мое сердце забилося бы чаще
От предчувствия сладостных мук.
То сильнее бы сердце, то глуше
У меня клокотало в груди,
И сказал бы я милой Настюше:
«Ты забыла убрать бигуди».
И она бы воскликнула: «Милый,
Хорошо, что мы в роще одни,
А не то бы за вид мой унылый,
Ох, попало бы мне от родни!».
И сказала бы тихо Настюша:
«Помоги-ка мне снять бигуди».
Повелению молча послушный,
Я бы сел у нее позади.
И я мысленно руки прижал бы
К аппетитным ее «близнецам»,
Но помехою были бы жабы,
Объяснявшие что-то самцам.
И дрожащими страстью руками
Я бы рыскал в ее волосах,
Зажимая стыдливо ногами
Беспокойного друга в трусах.
От волнения, страсти и жара
Я бы долго не мог распознать,
Как снимается эта тиара,
Полонившая каждую прядь.
И возился бы я до рассвета,
Но Настюша сказала бы: «Всё,
Процедуру на новое лето

Мы с тобою перенесём».
И, поднявшись с травы осовелой
В ореоле своих бигудей,
Непрочитанной грустной новеллой,
Проклиная коварных чертей,
Дорогая бы вышла из рощи,
Целомудренно выправив стан,
А мои сотрясенные мощи
Охладил бы вечерний туман.
И стоял бы я, как изваянье,
Удивленных берез посреди,
Причитая: «Такое свиданье
Погубили ее бигуди!».
И, не солоно в роще хлебавши,
Я поплелся бы утром домой,
Просто так, ни за что пострадавший,
Бигудиной сраженный чалмой.
И себя изводил бы я гневом:
Ну, какая мне разница, что
В бигуди согласилась бы дева
На любовь или в старом пальто?!
Я себя огражу от надлома
И поверю, что все впереди.
Лишь бы Настя оставила дома
Роковые свои бигуди.

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Наглядевшись на Настюшу —
На портрет ее блестящий,
Я погрыз немного грушу,
Выпил бренди настоящий,
Почесал себя в затылке,
Почесал еще за ухом,
Заглянул на дно бутылке,
А затем, погладив брюхо,
Рухнул в койку на террасе,
В потолок уткнулся взглядом
И вздохнул, что на матрасе
Нет со мной Настюши рядом.
Сколько я вздыхал, не помню,
Но, когда петух соседский,
Не найдя в округе ровню,
Заорал не по-эстетски,
Я вскочил в испуге с койки
И, вернув себе сознание,
Выпил порцию настойки,
Прояснив существование
На земле своё, а после
Пожалел, что безобразно
Провожу судьбины осень,
О Настюше распрекрасной
Размечтавшись ритенуто
И свою измучив душу.
Но... прошла всего минута —
И я вновь хочу Настюшу...

ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

*«Чем больше женщину мы любим,
Тем меньше нравимся мы ей».
А.С.Пушкин*

Чем больше женщину мы любим,
Тем чаще потчует ее,
И, к сожаленью, этим губим
Здоровье шаткое свое.
Без жертв в любви не обойдется:
Мы на ее алтарь кладем
И озорного иноходца,
И свой наследственный геном.
Такую участь нам Всевышний
За сласть утех определил:
За каждый подвиг наш излишний
Мы тратим вдвое больше сил.
Но мы любить не перестанем,
Нырять в женскую ятовь,
Хоть преждевременно предстанем
Пред ликом Бога за любовь.
И будем женщину любить мы,
Не ограничивая гон.
Любовь ничем не хуже битвы:
В ней смерть почетна испокон.

ЛЕЙЛИ

Я знаю, знаю, ты чиста,
Но обстоятельства сильнее:
Коль верховодит клевета,
Людская логика немеет.
Я знаю, бедная Лейли,
Что ты виновна поневоле;
И как ты Бога не моли,
Он будет строг в своем глаголе.
Я знаю знания врагов:
Они чрезмерно однобоки.
Укусы мстительных клыков
Бывают яростно жестоки.
Я знаю подлости друзей:
Они удар наносят в спину
И вместо сахарных гроздей
Тебе подсовывают псину.
Я знаю, знаю, жизнь трудна:
Везде расставлены капканы —
И ты не сможешь их одна
Преодолеть, неся шафраны.
Я знаю, ты не так слаба,
Как может внешне показаться,
Но все равно твоя судьба
Должна с моей перекликаться.
Так предначертано не мной,
А Тем, кто знает много больше,
Кто за небесной вышиной
Живет насыщенной и дольше.
Я знаю, ты не хочешь знать
Того, кто твой нарушит статус:
Ведь на земле – где чернь и знать —
Всегда господствует хиатус.
Но знаю я и то, что рок
Нередко склонен к переменам —
И мы вдвоем, настанет срок,
Вдруг прикоснемся к феноменам.
Я знаю, будет месяц май,
В котором я скажу: «Лейлюша,
Мою любовь не отвергай,
Плохих советников послушав.
Спешить нам некуда пока,
Но и откладывать не стоит
То, что прославит на века
Двоих, сломавших все устои.
Подумай, милая моя,

Ты в эту ночь при свете свечки,
А завтра, как взойдет заря,
Я буду ждать тебя на речке.
Ты приходи с ответом «да»:
Я лишь его в тебе приемлю.
С ответом «нет» придет беда:
Меня досрочно спрячут в землю».
Я знаю, знаю, ты придешь,
Узоры поступи роняя,
Вся, как весенний, теплый дождь,
Такая радостно родная.
Тебя я встречу у моста —
И мы от счастья возликуем,
Соединив свои уста
Вновь обретенным поцелуем.
И вот тогда в твоих глазах
Другие искры заиграют,
И мы в лесах и в небесах
Дадим влюбленным светлый раут.
Я знаю, знаю, что копье
В себя я вымыслом вонзаю.
Но мне твердит моё чутьё,
Что я столь важного не знаю.
Но время есть еще узнать,
О чем наитие судачит,
И с тайны хрупкая печать
Слетит явлением удачи.
Я знаю, что иконостас,
Где образ твой, я зря терзаю,
Что будет день и будет час,
Когда тебя насквозь познаю.

ДУШЕИЗЛИЯНИЕ ГУЛЬСАРЕ

Ты знаешь, Гуля, я привык,
Что от тебя мне подзатыльник,
Что у тебя игла язык,
А вместо сердца – холодильник.
Ты знаешь, Гулечка, зима
Уже полмесяца как в спячке,
А ты, не ведая сама,
Меня морозишь для заначки.
Ты знаешь, свет мой Гульсара,
Весна давно на белом свете
Дарует людям свет добра,
Но ты черства, как в высшем свете.
Ты знаешь, Гуля, гардероб
Деревья оптом заменили,
Но не меняется мой лоб:
Его как будто посолили.
Ты знаешь, Гулечка, урюк
Уже цветет, хоть поздним снегом
Ему напомнили, что вьюг
Не избежать под этим небом.
Ты знаешь, рок мой Гульсара,
Что от тебя так часто вьюжит,
Что даже домны шибера
С тобой на холоде не сдюжат.
Ты знаешь, Гуля, и крича,
Не доказать, чего не знаю —
Как ты бываешь горяча,
Когда себя даруешь Маю.
Ты знаешь, Гулечка, пускай
В твоих я планах не имеюсь,
И пусть тебя вкушает Май,
Но мне останется, надеюсь.
Ты знаешь, бог мой Гульсара,
Что зря метели в сердце копишь:
Со мною сидя у костра,
Ты лед в душе своей растопишь.
Ты знаешь, боль моя Гули,
Я нахожусь еще в рассудке,
И как снега бы ни мели,
Им неподвластны незабудки.
Ты знаешь, Гуля, жребий наш
Определен без нашей воли —
Вот почему пустой шалаш
По нам тоскует в чистом поле.

НЕМНОГО О СЕБЕ

Настало время обнажить
И для Камиллы отлюбившей,
Двоих детей не мне родившей,
Что я в миру успел нажить.
Так слушай, женщина и мать,
Я расскажу тебе пустыню,
Где я на холоде остыну
Не похороненным, видать.
Ещё поведаю о том,
Как я не вовремя родился,
Не с теми гадами водился
И был заброшен в детский дом.
А после так же, как и все,
Учился, мучился, влюблялся
И так от женщин настрадался,
Что на поэзию подсел.
Вот биография моя,
В стихах изложенная вкратце.
Ну, я любил еще подраться
И обходиться без ружья.
Но все в былом и поросло
И мхом, и ржавчиной покрылось.
И так бы все оно и длилось,
И так бы вечно не везло,
Но вдруг увидел я портрет,
Плывущий словно из тумана,
И чуть не грохнулся с дивана —
Такой ты излучала свет!
И очень странную тогда
Я ощутил метаморфозу —
Не то полет, не то угрозу,
Не то паденье в никуда.
С тех пор во мне, но не со мной,
Ты ежедневно, ежечасно,
Но мы живем несообразно,
Хотя и связаны страной.
Не знаю, что еще сказать,
Чем удивить или расстроить,
Какой бы рифмой удостоить
Тебя, о женщина и мать!
Добавлю только пару слов:
Мы все умрем, и в благодарность
Нам будет злобы солидарность,
Которой всласть топтать любовь.
А я не тот, кто дуракам

Привык безвольно подчиняться,
За все и всюду извиняться
И верить всяким ярлыкам.
Я не из тех, кто любит пить,
Кто, как болван, над всем хохочет,
Но я из тех, кто очень хочет
Взаимно век тебя любить.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Я так люблю Её любить,
Что мне порою кажется,
Могу любого я убить,
Кто близ Неё окажется.
Неразделенная любовь —
Известно, штука сложная.
Страдает часто от дубов
Фиалка придорожная.
Бросают желуди дубы,
Себе не глядя под ноги —
И для фиалкиной судьбы
Не остается подвигов.
Вот так и я в своей любви
Не обратил внимания,
Что оказался весь в крови
От недопонимания.
Когда в мой лоб ударил столб,
Я даже не почувствовал.
Во мне лишь горечи микроб
Интеллигентно буйствовал.
Еще не раз мое чело
О щит амура стукнется,
И мне по «первое число»
Моя любовь аукнется.
Я знаю цвет ухода в ад
Моей судьбы безрадостной.
Но равнодушным будет взгляд
У Гульсары безжалостной.

СОНЕТ ДЛЯ ГУЛЬСАРЫ

Года проносятся, как ураганы,
Уносят всех в неведомую даль.
Ловлю себя на том, что мы – обманы,
Ядром земли внесенные в скрижаль.

Я пронесу сквозь годы и туманы
Любовь мою, разлуку и печаль.
Юродивым войду в чужие страны,
Безумство душ преобразив в мораль.

Латентные желания и муки
Юлят порой, не ведая стыда.
Творили нас, наверное, от скуки,

Едва поняв последствия труда.
Борюсь один и, взяв их на поруки,
Я сам готов придерживать года.

ЕЩЕ ОДИН СОНЕТ ДЛЯ ГУЛЬСАРЫ

Мне хочется поплакаться в жилетку,
Да некому, и не умею я.
Вчера я съел заморскую креветку —
И целый день теперь хожу, блюя.

Набоков предлагает мне нимфетку,
Но за такое есть у нас статья.
Я лучше съем невинности конфетку —
Быть может, хворь уляжется моя.

Я бросил взгляд и пробежался мельком,
Вертя во рту стальную карамельку,
По подвигам любимой Гульсары,

И заприметил в них печальный казус,
Что ей самой (не запороть бы фразу!)
Бывает тошно от своей игры.

ОСТЕПЕНЕНИЕ

(1-ый сонет Цурэна)

Как лист увядший падает на душу,
Так я упал на девушку, кружась.
О том, что страстно девственность нарушу,
Я не подумал, похоти божась.

Не думал я, что так позорно струшу,
На сеновале бурно петушась,
Когда в крови свою увидел клушу,
За орган преступления держась.

Дрожало сердце, разум был подавлен.
Я был в деревне громко обесславлен.
Кого винить – себя или его?

Кого бы не винил, пришлось жениться,
И в мыслях и в делах остепениться,
Остепенив и друга своего.

ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ

(2-ой сонет Цурэна)

Как лист увядший, падает на душу
Разуверения немая тень:
Невыносим отныне каждый день
От знания, что потерял Настюшу.

Корабль спешит, и ветер – словно стужа,
И паруса – как будто мне враги,
И выставлена Ею на торги
Вакансия любовника и мужа.

Ну, как могу такое я снести?
Кровотчат в душе сквозные раны.
Мне хочется Настюшу увезти

В леса, в поля, в моря и океаны,
За облака, в космические страны
И там себя ей в жертву принести.

ПЕЧАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

(3-ий сонет Цурэна)

Как лист увядший падает на душу,
На голову упала мне «любовь»,
Похожая седалищем на грушу,
А носом – на избитую морковь.

И, глядя на Неё, я вспомнил Хрюшу
И всех в «Спокойной ночи, малыши»,
Чтобы скорей уснуть, чтоб эту тушу
В пылу «любви» всерьез не задушить.

Кто мне подсунул эту дорогушу,
Пусть заберет ее себе назад.
Мне лист увядший падает на душу! —
Зачем мне этот нос и этот зад?!

«Любимая», спасибо, в самом деле,
Что мы с тобой друг друга не «имели».

ТОСКА

(4-ый сонет Цурэна)

Как лист увядший падает на душу,
Так и душа срывается порой
В тоску любви, иссохнув по Настюше,
Кружась в ночи, как в клетке роковой.

Ни пить не хочется, ни спать, ни кушать,
Все мысли сжаты болью и хандрой.
О, был бы кто желающий послушать
И разделить страдание со мной!

Но никого ни рядом, ни далече —
И остается вновь мне без конца
С самим собой вести пустые речи.

Свидетели мои – одни лишь свечи.
Дождусь ли от любимой я гонца
С депешей о назначенной мне встрече?

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЭЛЕГИЯ

С кем встречалась, того позабыла
На закате осеннего дня.
Ты кого-то на свете любила,
Но любила, увы, не меня.
Веселилась, смеялась, играла
И звонила кому-то домой,
Чей-то номер легко набирала,
Только жаль, набирала не мой.
Ты дружила, кого-то встречала,
Обожала кого-то во сне
И на праздники всех привечала,
Но дарила подарки не мне.
На приемах в тонах приглушенных
Развлекалась гордыня твоя,
Но, опять же, среди приглашенных,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.